

ВОВОЧКА

В нарушение правил техники безопасности начальник продолжал ходить в маршруты один. И вот пришла беда: в нашей экспедиции в камчатском отряде при восхождении на Авачинский вулкан погибли два геолога – отец и дочь. Мы узнали об этом, вернувшись из тайги на базу. Длинная и грозная радиограмма из института призывала всех начальников немедленно повысить технику безопасности при геолого-съёмочных работах. Сотрудникам экспедиции запрещалось покидать территорию полевого лагеря без производственной надобности за пределы слышимости или видимости. Мы молча выслушали приказ.

На следующий день начальник собрался в двухдневный маршрут с Ником, а я был послан в город искать рабочего. Задание было почти безнадежное, местных рабочих не прельщала зарплата в сто восемьдесят рублей. Оставалось надеяться отыскать какого-нибудь молодого парня до армии или школьника.

Маленький городок расположился вдоль линии транссибирской магистрали. Стояла жара. Безуспешно слоняясь по пыльным сонным улицам, я выпил у ларька кружку таёжного пива. На пути в гостиницу в одном из дворов заметил кодлу – человек пятнадцать местных ребят, сидевших на спинках деревянных скамеек. Рыжий парень брэнчал на гитаре и пел что-то блатное.

– Парни, – обратился я к ним, – не хочет ли кто-нибудь из вас поработать в геологической экспедиции?

Веселый смех был мне ответом.

– Неужели среди вас нет романтиков?

– Мы все романтики, но только... с железной дороги, – сострил высокий красивый парень с татуировкой на руке в виде змеи, обвивающей кинжал. Кодла дружно заржала.

– Ты Абель? – вдруг спросил он.

– Что, это на мне где-нибудь написано? – я был удивлен, так как в этом городе меня никто не знал.

– Сбавай что-нибудь на гитаре. – Длинный закурил папиросу.

– Откуда знаешь, что я умею играть?

– От верблюда. Ну, сыграешь?

Я взял гитару, перестроил и запел «Спасите наши души» Высоцкого. Ребята затихли, и когда я кончил петь, смотрели на меня с явным уважением.

– Молоток! Давай ещё! – попросил Длинный.

Несколько военных песен Высоцкого очень понравились ребятам.

– Корень! – парень крепко сжал мою руку твердой как дерево ладонью, – Женька Кучерявый про тебя рассказал.

В самом начале сезона к нам в отряд устроился рабочим молоденький парнишка – Женька. В первый же день еще на базе, когда он колот дрова, то умудрился топором стукнуть себе по голове. Мы извели на перевязку почти все бинты, а рабочего отвезли в больницу на вездеходе. Через месяц, вернувшись из тайги, мы узнали, что Женька поправился и собирается в армию.

– Где он сейчас?

– Во флот загребли.

Я спел ещё несколько песен и собрался прощаться.

– Подходи завтра, может кого и подберем тебе в рабочие. Только вряд ли, народ у нас больше вольный, – крепко пожимая на прощанье руку, предложил Корень.

Из окон маленькой гостиницы были видны сине-зеленые сопки. Меня поселили в номере, где жили два молодых парня. Они приехали в этот город с матерью на постоянное место жительства из Харькова. Ребята были какие-то маленькие – от силы метр пятьдесят. Но тут оказалось, что старшему Вовочке уже исполнилось восемнадцать лет и ему не хватило в росте двух сантиметров, чтобы пойти служить в армию. Два месяца он провел в бесплатном оздоровительном лагере от военкомата, где его пытались откормить, но он так и не вырос. Я предложил Вовочке устроиться к нам в отряд рабочих. Отрадно было узнать, что романтики еще не перевелись на белом свете. Братья радовались как Чук и Гек, узнавшие, что едут к отцу в экспедицию.

– А он сможет заработать на охотничье ружье? – спросил младший.

– Конечно, чистыми он получит за месяц сто двадцать рублей, а самая дешевая двустволка стоит тридцать шесть.

– Нам нужна двустволка! – заявил младший.

– Только за месяц он сможет заработать сразу на два ружья.

– И мы сможем ходить на охоту в тайгу, – размечтался младший.

– Для этого еще надо вступить в охотничье общество, – предупредил я.

Братьев это сообщение разочаровало, так как они были уверены, что сразу купят ружья и отправятся на охоту.

– У меня в отряде есть ружье, и уже завтра будешь стрелять, – предложил я Вовочке.

Это обещание вызвало бурную реакцию, и Вовочка захотел отправиться немедленно. К нам в номер зашла мать братьев – маленькая худощавая женщина. Она обрадовалась, узнав, что сына берут в геологическую экспедицию.

Когда мы улеглись в кровати и погасили свет, Вовочка мечтательно произнес:

– С первой полочки куплю матери часы, – и, немного помолчав, добавил: – а себе ружье!

– А мне? – обиженно заныл младший брат.

– И тебе ружье!

Счастливые братья вскоре уснули.

На другой день мы соскочили с площадки товарного вагона на нашем железнодорожном разъезде, где жили прямо в помещении станции. За стрелкой пытел маневренный паровоз. Он помогал тяжелым товарным составам преодолеть крутой подъем, толкая их сзади.

Увидев нового рабочего, начальник осмотрел его с ног до головы и, сдерживая недовольную гримасу, приказал мне провести с ним инструктаж по технике безопасности.

Вовочке начальник тоже не понравился.

Инструктируя Вовочку, я напомнил ему, что он уже совершеннолетний и должен знать, что от несоблюдения техники безопасности человек может не только умереть, но и родиться.

Конечно, нового рабочего нельзя было назвать богатырем, но зато он был очень расторопный мальчик, всегда веселый и чумазый. Если бы Вовочке приделать хвост с кисточкой на конце и маленькие рожки на голове, то получился бы вылитый бесенок из сказки «О попе и работнике его Балде». Аппетит у него был, как у волчонка, и я подозревал, что он все-

таки надеялся подрасти на два сантиметра, чтобы попасть в армию. Исполнительность Вовочки не знала границ, он все делал бегом. Ко мне он относился просто с обожанием, так как я играл на гитаре и являлся владельцем старой курковой двустволки. Вовочка придумывал всякие ухищрения, чтобы мне услужить, всегда вертелся под ногами, на тот случай, если мне что-нибудь понадобится и надо будет куда-то сбегать. В новой энцефалитке, доходящей ему почти до колен, и непомерно больших кирзовых сапогах, одетых прямо на кеды, он выглядел очень смешно. Вовочка не курил, но в кармане энцефалитки у него всегда лежала пара сигарет на тот случай, если мне вдруг захочется курить, а своих сигарет поблизости не окажется.

Предметом наивысшего обожания для Вовочки было моё ружьё. Возвращаясь из маршрута, я передавал его Вовочке, и он разбирал, чистил и смазывал оружие.

Однажды наш начальник при помощи стереоскопа целый день дешифровал аэрофотоснимки. Подняв от прибора усталые глаза, он с недоумением уставился на два черных круглых отверстия, смотревших на него из кухни. Сообразив, что это Вовочка целиться в него из двустволки, начальник завизжал как ужаленный.

– Отбери у него ружьё и больше никогда не давай! – кричал он мне.

Я забрал у Вовочки ружьё и объяснил ему, что целиться в человека нельзя. Вовочка согласно кивал головой.

– Хорошо, что его в армию не возьмут, – уже не по делу стал выступать начальник, – оружие ему доверять нельзя.

– Вы же сами дали ему плоский немецкий штык, – напомнил я.

– Он совсем тупой, – махнул рукой начальник.

– А я его наточил и теперь им бриться можно! – похвастался Вовочка.

Тут начальнику в голову пришла какая-то мысль, он посмотрел сквозь нас и углубился в дешифрирование аэрофотоснимков.

Две недели мы жили на промежуточной базе на железнодорожном полустанке в ожидании машины. Начальник корпел над геологической картой, мы с Ником ходили в маршруты, а Вовочка готовил. Я взялся прочитать новому рабочему курс лекций по кулинарии. Наконец-то, в лице

Вовочки я приобрел благодарного ученика, который без всякого ехидства глядел на меня. Ник делал вид, что внимательно читает монографию и ничто другое в мире его не интересует, но сам вполуха слушал мои перлы.

Для начала я рассказал Вовочке, как надо промывать крупу для приготовления каши, и подчеркнул, что промывка очень важна, так как в процессе транспортировки зерна крупы трутся друг о друга и образуется мучная пыль. Если ее не отмыть, то она в кипятке быстро заварится и склеит зерна каши. А вот макароны не обязательно мыть, но неплохо их как следует продуть от мучной пыли. При этом халтурить нельзя и следует продуть каждую макаронину в отдельности, а не пучок сразу.

Ник хмыкнул, но промолчал.

Я продиктовал несколько простейших рецептов соусов к макаронам. Самый быстрый это соус «Дежурный»: на сковородке поджаривается лук, добавляется томатная паста, сахарный песок, молотый перец и соль. Кипятком соус разбавляется до жидкого состояния и после пары минут кипения готов для подачи к столу.

– Для гурманов можно приготовить что-нибудь изысканное, например макароны по-корейски. Надо взять два стакана муки, ее посолить и добавить немного сахара. После этого полкилограмма хорошо промытых крупных дождевых червей запустить в муку, для того чтобы они наелись муки и из них вышла земля. Затем червей запускают в хорошо продутые макароны, и каждый заползает в отдельную дырочку. Макароны с начинкой отваривают и подают с острым корейским соусом. Я предупредил Вовочку, чтобы он не спешил с приготовлением этого блюда, так как мы с Ником его не любим, но начальство от него просто без ума. Вот когда мы уедем в Ленинград на учебу, а Вовочка останется один с тремя начальниками отрядов и Максом, то он может сделать им большой сюрприз.

Тут Ник не выдержал и предупредил Вовочку, чтобы он не очень то мне доверял.

Я заметил Нику, что вовсе не хотел подставить своего ученика под пулю разъяренного начальника. Просто материал легче запоминается, когда чередуется с хохмами. Лично мне при таком способе удалось запомнить массу интересного и окончить семь классов всего с одной четверкой... по поведению. И вовсе не беда, что все остальные отметки были тройки.

– Теперь о блюдах французской кухни, – продолжил я лекцию. – Конечно, настоящее фондю франш-конте или спаржу, запеченную с тертым сыром под знаменитым соусом бешамель, в наших суровых горно-таежных условиях не очень-то пригостишь, – краем глаза я заметил, как усмехнулся Ник, – но, к примеру, запеченную форель запросто можно приготовить за пятнадцать минут. Очищенный хариус или ленок фаршируется жареным луком. Сверху рыба также посыпается луком, завертывается в фольгу и на десять минут укладывается в золу костра.

Ник отложил в сторону монографию и полез за своей тетрадкой. Для отвода глаз он раскрыл ее со стороны, где были стихи, и углубился в чтение. Но потом незаметно перевернул стороной, куда записывал кулинарные рецепты, и стал быстро писать карандашом.

– Теперь несколько моих фирменных рецептов. Яичница «Большая геологическая»: на большой глубокой сковородке надо последовательно обжарить грибы, молодой картофель, репчатый лук, полоски бекона, помидоры, все залить взбитыми яйцами и сверху посыпать зеленью. Усовершенствованный вариант этой яичницы с добавлением тертой брынзы

и помидорами, нарезанными в виде красных пятиконечных звезд, называется: «Наш ответ Чемберлену».

– Да, «Большая геологическая» – вещь, – подтвердил Ник, сглатывая слюну, – а «Наш ответ Чемберлену» – отпад!

Я приводил Вовочке и отрицательные примеры из кулинарной практики Ника. Слушая мою лекцию вполуха, Ник сопел, но молчал. Я рассказал, как один умник захотел отличиться и решил запечь рябчика. Завернув тушку в фольгу, он бросил ее прямо в костер. Рябчик сгорел полностью. Ник сердито кашлянул.

– Если, к примеру, – распространялся я, – поэзия, наряду с прекрасным, отражает и человеческие страдания, то кулинария призвана вызывать у людей только наслаждение и положительные эмоции.

Войдя в раж и поднявшись до уровня философских обобщений, я с пафосом изрек, что искусство кулинарии это гармония вкусовых ощущений, вызывающих эстетическое наслаждение. Чтобы подчеркнуть важность этого основополагающего тезиса, я рассказал, как однажды один поэт варил суп, но забыл о пропорциях. Суп пригорел, и пришлось его, как запеканку, нарезать на куски и есть с хлебом в виде бутербродов.

Вовочка, словно первоклашка, склонив набок голову и высунув острый, как у чертенка, язычок, прилежно записывал мою лекцию в общую тетрадь.

– Суп нарезали на куски? – переспросил он меня.

Ник не выдержал и снова кашлянул.

– А кто сказал о гармонии пропорций? – ехидно спросил он, – тоже Робиндранат Тагор?

Я выждал небольшую паузу и с достоинством произнес:

– Это сказал я!

– Не может такого быть, – махнул рукой Ник, – наверняка кто-нибудь из великих так уже выразился.

– Без сомнения, – согласился я, – уж они постарались сказать все и обо всем.

– Кулинария это гармония вкусовых ощущений, правильно я записал? – Вовочка вопросительно посмотрел на меня.

– Правильно.

– Вообще-то кулинарию вряд ли можно назвать настоящим искусством, – усмехнулся Ник.

– Французы, между прочим, считают кулинарию творчеством, а искусных поваров – поэтами в своем деле, – срезал я Ника. – По их мнению, кулинар не заслуживает доброго слова, если не привносит что-то свое в готовую рецептуру. Вот, например, ты, что каждый день пишешь хорошие стихи и даришь их людям?

– Конечно, нет, – смутился Ник.

– А хороший повар дарит людям наслаждение каждый день.

– Это тоже записать? – спросил Вовочка.

– Обязательно. Давай лучше соединим наши таланты – предложил я Нику, – и положим на стихи мои кулинарные рецепты. Это будет новое слово как в кулинарии, так и в поэзии, и особенно пригодится студентам кулинарных техникумов и институтов общественного питания.

– Как писали Ильф и Петров: «Остапа несло», – ехидно продекламировал Ник, прозрачно намекая на меня. Он встал и вышел из барака.

Я тут же по секрету сообщил Вовочке, что начальник Скалистой партии, которого он обязательно увидит в конце полевого сезона, трясется при виде манной каши с вареными луковицами. И в каждом отряде перед его приездом обязательно готовят это блюдо. Я нисколько не кривил душой, и начальник действительно трясся при виде манной каши с вареными луковицами, так как от одного вида этой пищи его тошнило. Во время инспекционных поездок по отрядам начальник специально не сообщал точную дату своего приезда, чтобы не угодить на ненавистное блюдо. И мы давились манной кашей с вареным луком целую неделю в ожидании его приезда. Потом Макс рассказал нам, как начальник партии чуть не выгнал Вовочку в тайгу за то, что он подал ему на завтрак большую чашку манной каши, украшенную тремя вареными луковицами.

В конце урока я спросил ученика, знает ли он как делают бублики?

– Нет, – честно признался Вовочка и снова раскрыл свою тетрадку, собираясь записать еще один ценный рецепт.

– Берут дырку, обмазывают ее тестом... – продиктовал я серьезным голосом профессора.

Рабочий начал было записывать, но понял, что это шутка и засмеялся.

– А когда съедают бублик, куда исчезает дырка? – спросил я.

Вовочка пожал плечами.

– Из нее делают новый бублик!

Вовочка оказался талантливым учеником и быстро перенял мою идеологию, особенно по части хохм. Наш железнодорожный разъезд находился у подножия сопки, а недалеко за рекой располагался поселок. Там в сельском клубе три раза в неделю показывали кино. Мы сходили в кино один раз, но репертуар нам не понравился. Бегал в поселок только шустрый Вовочка. Однажды вечером он спросил у меня время и заторопился в поселок.

– Сеанс кончается, могу опоздать!

Вовочка помчался, громко топя большими кирзовыми сапогами. Через полчаса Вовочка вернулся, и я признал его только по новой энцефалитке. Лицо его было вдвое шире прежнего, левая щека вздута, голову перекосило из-за большой шишки в правой части головы.

– Шершни! – прошипел Вовочка перекошенным ртом.

Он признался мне, что в дупле старого тополя прямо перед входом в клуб обнаружил гнездо шершней и решил подшутить над местными жителями. Перед окончанием сеанса Вовочка залез на дерево, и когда раздался шум передвижаемых скамеек, решил, что кино закончилось, и сейчас толпой выйдут зрители. Он сунул ветку в дупло и помчался прочь сломя голову. Но зрители на улицу почему-то не вышли. Зато разъяренные полосатые шершни, беспощадные как пираты, вылетели из дупла, чтобы поквитаться с обидчиком, и без особого труда догнали убегающего Вовочку.

Мы насчитали у потерпевшего два укуса в голову один в плечо и один в ладонь. Рука смотрелась не хуже головы, ладонь раздуло, и пальцы у Вовочки онемели и не сгибались.

Начальник с умным видом заметил, что укус пяти шершней одновременно может быть смертелен. А уж он толк в шершнях знал. Как раз накануне, когда мы жили в тайге, меня ужалили осы. Моему лицу досталось изрядно – веки заплыли, глаза стали как щёлки. Маршрут пришлось бросить и вернуться в лагерь. По лицу я напоминал знаменитого французского киноактера Жана Габена... наутро после крутой пьянки.

Начальник не признал во мне великого французского актера, критически осмотрел и назидательно произнес:

«Когда меня осы кусали, я маршрут не бросал!»

Я не нашелся, что ответить, и стыдливо промолчал.

Начальник по обыкновению взял на проверку мою пикетажку и сел на бревно, по которому в это время разгуливал крупный шершень. Ужаленный в зад начальник высоко прыгнул вверх, словно выброшенный катапультной из кабины гибнущего реактивного истребителя. Мы с сочувствием выслушали его вопли. Из ругательств начальника можно было догадаться, что опять виноваты мы с Ником со своей дикой невезучестью. Оправившись от сильного шока, начальник поведал нам, что получил ни с чем не сравнимое ощущение, и высказался в том смысле, что каждый настоящий мужчина должен такое испытать. Столь заманчивая перспектива нас Ником не прельстила, но я предложил начальнику в пять секунд отловить нового шершня, если ему вдруг захочется повторно испытать себя.

Утром начальник отправился в маршрут один. Мы с Ником тоже собрали рюкзаки, как вдруг заметили, что с Вовочкой твориться что-то неладное. Он лежал на своем спальнике, отвернувшись лицом к стене. Ник развернул Вовочку, и мы ахнули. Его лицо, утром почти нормальное, распухло до неузнаваемости. Глаза превратились в щелки, а нос расплылся по совершенно плоскому лицу. Распухли также локтевые суставы. У парня явно была высокая температура, его знобило. Ник, досконально помнивший инструкцию по оказанию первой помощи, определил, что это симптомы отравления ядом шершней. В данном случае надо было применять холод.

С помощью скрепки я открыл контрольный замок на выючном ящике начальника и достал флягу со спиртом. Ник разбавил спирт водой, добавил уксус и, намочив четыре пробных фланелевых мешочка, поставил Вовочке компрессы на лицо и локтевые суставы.

Два часа мы меняли компрессы, и, наконец, температура спала. Вовочке стало легче, и он улыбнулся. Чтобы ободрить больного, я рассказал ему, что наш бывший проводник считал эталоном женской и мужской красоты, «когда лица много, а глаза мало». При этом он признавал, что «русские девки тоже ничего, но шибко глаза большие».

– В настоящий момент твое лицо – эталон восточной красоты, – утешил я Вовочку.

В маршрут идти было уже поздно, и мы остались лечить Вовочку. Ник дал ему таблетки анальгина и раствор поваренной соли. Больной уснул. Я приготовил за Вовочку обед.

Когда вернулся из маршрута начальник, Вовочка еще спал. Ник рассказал, как мы лечили больного. Начальник одобрил наши действия, но весьма нелестно отозвался о Вовочке. Мальчик все слышал, и на другой день подложил начальнику спичечный коробок, в котором сидел большой овод. Начальник собрался раскурить трубку и засунул пальцы в спичечный коробок. Овод с ревом вырвался на свободу, а испугавшийся начальник с отращением отбросил от себя коробок. Вовочка получил устный выговор.

Однажды когда мы с Ником вернулись из маршрута, в коридоре барака нам навстречу, натужно завывая, мчался по воздуху спичечный коробок. Мы шарахнулись в стороны. Коробок вылетел в открытую дверь, я успел заметить, что его, словно упряжка лошадей, тащили три больших овода. Насекомые были привязаны нитками за тонкое брюшко. Оводы, вырвавшись на свободу из темноты коридора, круто взмыли вверх и

пропали из виду вместе с коробком. Было ясно, что додуматься до такого мог только наш Вовочка.

Ник сурово осудил его за издевательство над животными.

– А что такого? – удивился Вовочка. – Все убивают оводов.

– Я не призываю тебя к охране оводов, но издеваться над животными – свинство.

– Убивать – можно, а отпустить на свободу – свинство! – недовольно пробурчал Вовочка.

Вовочка с каждым днем готовил все лучше, сдавая мне зачеты на квалификацию повара. Он относился к делу творчески и постоянно вносил свои усовершенствования в мои рецепты. И надо признаться очень удачно.

В конце сезона я подарил Вовочке кулинарную книгу и выписал диплом на фирменном бланке института, заверенный печатью партии о том, что «Краюхин Владимир, работая в составе Восточного отряда Скалистой партии ВСЕГЕИ, прошел курс кулинарной подготовки под руководством старшего техника-геолога Белова А. М. и ему присвоена квалификация *младшего повара-геолога*». Вовочка очень гордился этим документом и неожиданно в его жизни он сыграл важную роль. Зимой Вовочка писал мне, что устроился работать поваром в геологическую партию. Благодаря этому диплому его приняли не учеником, а сразу поваром третьего разряда.

Я был рад за Вовочку и за себя. Правильно говорили древние: главное для учителя – зажечь факел, а не наполнить сосуд!